

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

Серия   **ИНФОРМАЦИОННЫЙ**
ВЫПУСК № 110 (1591)
«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья С. Губанова «Пенсионное обострение: что оно означает и во что выльется», опубликованная в журнале «Экономист», № 9, 2018 год.

Вологда
октябрь 2018

Пенсионное обострение: что оно означает и во что выльется

В нашей стране позиция главы государства обычно предreshает вопрос, поскольку обязательна для всей вертикали власти, включая высшие органы – исполнительные и законодательные. Для государственной машины директивный характер носит и обращение, сделанное Президентом РФ по вопросам пенсионной системы. Однако по тем же вопросам имеется еще позиция отечественной науки. И научная позиция разошлась с директивной, последовательно выраженной в правительственном законопроекте, внесенном 16 июня в Госдуму РФ, в его одобрении 19 июля Госдумой РФ в первом чтении и, наконец, в президентском обращении 29 августа.

Можно было бы замолчать позицию отечественной науки, не отражать ее, не делать упор на том, что «пенсионная реформа» научно не обоснована. Но высшая социальная функция науки в том и состоит, чтобы служить развитию общества, утверждая истину и называя вещи своими именами. Верховными для науки являются объективные законы природы и общества. И наука просто не вправе молчать, когда обнаруживает нарушение этих законов или пренебрежение ими. Наоборот, в таком случае наука обязана возвышать свой голос, ибо хорошо знает, насколько катастрофическим бывает нарушение объективных законов общественного развития на том или ином историческом этапе.

Так обстоит дело и применительно к «пенсионной реформе». При решении о повышении пенсионного возраста возобладали конъюнктурные соображения, бессистемный подход и поспешность, необычайно редкостная для бюрократического аппарата, известного своим традиционным консерватизмом.

В спешке без должного внимания остались многие важные обстоятельства. Далеко не все было учтено из того, что следовало учесть. Не получили взвешенной оценки и многосложные социальные последствия, включая протестные, из-за чего даже ближайшие из них стали неожиданными для вертикали власти. Отдаленные же последствия не изучались вовсе. Между тем они способны не просто усугубить, а сделать бесповоротной крайне опасную для России тенденцию, обусловленную текущим обострением системного кризиса.

К сожалению, фактор системного кризиса тоже не принимался в расчет теми, кто выступил за повышение пенсионного возраста. Поэтому предложенная «пенсионная реформа» представляется, как

минимум, недальновидной. Причем такая оценка относится наукой и к «жесткому» варианту, озвученному правительством, и к «мягкому», выдвинутому Президентом РФ.

В повышении пенсионного возраста менее всего следует видеть вынужденную техническую меру, направленную на поддержание бюджетной сбалансированности. На самом деле это политический шаг, чреватый для нашей страны беспрецедентно тяжелыми последствиями: экономическое недовольство он переводит в политическое, превращая тем самым системный кризис из экономического во внутриполитический. В общем, к вопросу надо вернуться.

Характеризуя далее научную аргументацию против повышения пенсионного возраста, мы исходим не из принципа «чем хуже, тем лучше», а из принципа «предупрежден, значит вооружен».

§ 1. Варианты «пенсионной реформы»: правительственный и президентский

Рассмотрим вначале параметры «пенсионной реформы» (кавычки, разумеется, используются здесь неслучайно, о чем мы еще скажем). Правительственным законопроектом предусмотрено поднять пенсионный возраст мужчин с 60 до 65 лет не позднее, чем к 2028 г. («жесткий» вариант); президентскими поправками («мягкий» вариант) допускаются смягчения для мужчин 1959 и 1960 годов рождения, но конечный срок – тот же (табл. 1).

Для женщин правительство намерено поднять пенсионный возраст с 55 до 63 лет не позднее, чем к 2034 г. («жесткий» вариант); президентская поправка ограничивает повышение 5–ю годами вместо 8–и, т.е. до 60 лет, смягчая условия для женщин 1964 и 1965 годов рождения (табл. 2).

Согласно запрограммированному проекту повышения пенсионного возраста, все те пенсионеры, которые фактически заработали право на трудовую пенсию, разом переводятся в категорию лиц предпенсионного возраста – принудительно, по приказу, в порядке диктата. Часть заработанной ими пенсии они попросту теряют, она конфискуется и экспроприруется.

При всем том мнение самих работников верховную власть абсолютно не интересует. Их согласия она не спрашивает. Она решает и предreshает за них, ставя их перед фактом. В них она видит всего лишь безгласный объект своей политики, а не ее субъекта. Им она предо-

ставляет только обязанность подчинения, оставляя себе монопольное право распоряжения и принуждения. По-
правление единства прав и обязанностей – работникам
обязанности без права, а власти права без обязанностей
– срывает фиговый листок даже чахлой буржуазной
демократии. «Реформаторы» действуют как диктаторы,
декретируя принудительную конфискацию заработан-
ного многолетним трудом.

Надо заметить, фискальная экспроприация за-
трагивает десятки миллионов мужчин и женщин,
родившихся в 1960–1999 гг. и вступивших в трудо-
вые отношения по правилам действующей пенси-
онной системы, с правом выхода на пенсию по до-
стижении 60 и 55 лет соответственно. Может ли
экспроприация заработанного считаться реформой?
Для экспроприруемых – едва ли, для экспроприа-
торов – возможно. В данном случае, стало быть,
только экспроприаторы и могут выдавать себя за
реформаторов.

Нельзя не затронуть еще один принципиальный
момент, на сей раз – из области права. В соответ-
ствии с нашим нынешним социально–трудовым за-
конодательством, заключая первый договор найма и
начиная трудовую жизнь, каждый гражданин авто-
матически заключает с государством и социальный
контракт, который содержит точно оговоренные
условия социального и пенсионного обеспечения.
Выполнение заключенного социального контракта
гарантируется законами о труде и трудовых пенсиях.
В одностороннем порядке условия его не могут быть
ни пересмотрены, ни отменены. На любые измене-
ния, а тем паче – прямо ухудшающие положение и
ущемляющие интересы занятых, требуется письмен-
но выраженное согласие трудящегося.

Разумеется, государство вправе предложить но-
вый социальный контракт, с иными условиями выхо-
да на пенсию. Но таковой может заключаться исклю-
чительно с теми работниками, которые впервые вы-
ходят на рынок рабочей силы и заключают свой пер-
вый договор трудового найма. На остальных занятых
измененные условия не должны распространяться
ввиду классического правового принципа, что закон
обратной силы не имеет.

Мы полагаем, что реформа достойна называться
реформой лишь при условии, если она строго отве-
чает и объективным экономическим законам, и дей-
ствующим юридическим. В рассматриваемых же
нами вариантах не выполняется ни первое условие,
ни второе. С экономической точки зрения повыше-

ние пенсионного возраста тождественно экспропри-
ации заработанного; с юридической – односторон-
нему отказу от обязательств по социальному кон-
тракту и недопустимому нарушению классического
принципа, который гласит, что закон обратной силы
не имеет. Подобные деяния неправомерно называть
реформой.

Исходя из данных соображений, приходится вы-
нужденно писать в кавычках, именно так – «пенси-
онная реформа». Полагаем, столь выраженную кате-
гориальную щепетильность понять несложно: уче-
ный не вправе делать отечественную науку соучаст-
ницей обмана или средством с негодной целью.

Итак, один вариант повышения пенсионного
возраста, правительственный, стоит другого, прези-
дентского. Оба являются вариантами принудитель-
ного, административно – командного изъятия зар-
ботанного; оба придают закону обратную силу и в
одностороннем разрывают действующий социаль-
ный контракт, что является верным признаком про-
извола властных «верхов» по отношению к под-
властным «низам» и социальной несправедливости;
оба выражают чрезвычайщину, связанную с прямой
экспроприацией трудовых доходов.

Отчего же кремлевская вертикаль власти прибег-
ла к столь крайним мерам? Посмотрим, чем она
оправдывает их и насколько адекватны ее доводы.

§ 2. Аргументация профильного комитета Гос- думы РФ и насколько она обоснована

Обратимся вначале к аргументации, представлен-
ной комитетом Госдумы РФ по бюджету и налогам в
официальном заключении на проект Федерального
закона № 489161–7 «О внесении изменений в отдель-
ные законодательные акты Российской Федерации по
вопросам назначения и выплаты пенсий».

Общая линия комитетских доводов в пользу по-
вышения пенсионного возраста укладывается в не-
замысловатую и, скажем сразу, прямо-таки несураз-
ную логическую схему: Россия стареет, старых ста-
новится больше, рабочих рук – меньше; страховых
отчислений не хватает, возможность их увеличения
исчерпана; Пенсионный фонд РФ «сидит» на бюд-
жетном трансферте, бюджет не выдерживает нагруз-
ки; повышение пенсионного возраста – единственно
возможная мера.

Перед депутатами, как можно видеть, выстав-
лена логика заурядного устрашения, в финальном
аккорде которой звучит угроза пенсионного дефол-
та. Но главное не в этом. В большей степени инте-

ресен подтекст выставленной логики. На кого она возлагает вину за бюджетные разрывы и вплотную придвинутый пенсионный дефолт? Кого винит в бюджетном дисбалансе?

Комитетская логика винит в бюджетном кризисе пенсионеров. Именно их она подразумевает в качестве виновников кризисного состояния государственного бюджета, поскольку они слишком рано выходят на пенсию. И потому отводит им роль козлов отпущения. Других виновников бюджетного кризиса, который является лишь одним из множества проявлений кризиса системного, однобокая логика профильного комитета не видит в упор.

Оставим пока в стороне общую логическую схему, избранную думским комитетом, и перейдем к тем конкретным аргументам, какими она заполнена.

Заглавный аргумент – «с 2000 г. средняя продолжительность жизни увеличилась на 8,2 года (у мужчин – на 10,5 лет, у женщин – на 6 лет)». На первый взгляд, аргумент как аргумент. Но если присмотреться внимательнее, то обнаруживается не просто неточность, а откровенный подлог. Закавыка здесь в одном слове. Изменено всего лишь слово, и смысл утверждения искажен полностью. Ложным и лживым делает утверждение слово «средняя». Получается так, будто фантастически выросла фактическая продолжительность жизни россиян, чего нет даже близко.

Вместо «средняя» должно стоять «ожидаемая». Тогда рассматриваемое утверждение хотя бы приближается к корректному, оставаясь тем не менее в разладе со статистическими данными и страдая неточностью.

Обратимся к статистике. Росстат приводит ожидаемую продолжительность жизни при рождении за период с 1926–1927 гг. по 2017 г. включительно. Последний отчетный год – 2017-й, что вполне понятно: 2018 г. еще не окончился и не стал отчетным, в связи с чем доступный статистический ряд прерывается на величинах за 2017 г. (табл. 3).

Основываясь на статистической информации таблицы 3, можно легко подсчитать, что в течение 2000–2017 гг. ожидаемая продолжительность жизни россиян при рождении выросла на 7,4 года, при этом у мужчин больше – на 8,5, у женщин меньше – на 5,4 года.

Комитетские цифры даже тут грешат порядочным преувеличением (например, мифические 10,5 лет против статистически подтверждаемых 8,5). Притом, что симптоматично, они даются без всякой ссылки на ис-

точники и первичные статистические ряды, т.е. не оговаривается даже, откуда они взяты. Достаточно одного лишь такого факта, чтобы заключить, что достоверность цифрового материала, явно необязательна для аргументации профильного комитета Госдумы РФ, и он не придерживается принципов научной аналитики.

Итак, ожидаемая продолжительность жизни преподнесена комитетом как средняя, а средняя ассоциируется с фактической.

Аналогичный прием смешения, трансформированный в фигуру умолчания, применен и в президентском обращении, хотя цифры чуть скромнее.

Цитируем: «Но неоспоримым фактом является то, что благодаря комплексу принятых государством мер и, что очень важно, более ответственному отношению людей к своему здоровью сегодня темпы роста продолжительности жизни в России – одни из самых высоких в мире. За последние 15 лет продолжительность жизни выросла почти на 8 лет – 7,8 года».

В обращении намеренно не разъясняется, о какой продолжительности жизни идет речь – фактической или гипотетической, реальной или вероятностной, действительной или прогнозной. Конкретика подменена абстракцией. А фигура умолчания удобна тем, что создает иллюзию достижений по фактической продолжительности жизни, оставляя – при необходимости – возможность признания, что они относятся к ожидаемой.

Истина, однако, состоит в том, что сведений о фактической продолжительности жизни россиян корпус официальной статистики не предоставляет: имеются лишь показатели ожидаемой, приведенной в таблице 3.

Нелишне разобраться, что означают упомянутые показатели, как понимать величины «ожидаемой продолжительности жизни при рождении», от чего они отсчитываются. Довольно часто допускается ошибка ложного отождествления, когда ожидаемую продолжительность жизни принимают за фактическую. Поэтому во избежание недоразумений резонно внести ясность по поводу качественной стороны разбираемых количественных показателей.

Прежде всего надо обратить внимание на оговорку «при рождении»: она имеет поистине решающее значение. В тексте ее нередко упускают, но специалисты все равно имеют ее в виду и держат в уме, подразумевая под ожидаемой такую продолжительность жизни, на какую может рассчитывать родившийся в том году, к которому относится пока-

затель. Например, показатель 72,7 года для всего населения в 2017 г. означает, что вероятность прожить 72,7 года исчислена для тех, кто родился в 2017 г.

Для рожденных ранее, до 2017 г., величина ожидаемой продолжительности жизни ниже по всему ретроспективному ряду, причем для мужчин в особенности. Поэтому ни в коем случае нельзя проигнорировать тот факт, что для затрагиваемых «реформой» мужчин 1960–1999 годов рождения ожидаемая продолжительность жизни близка к длительности жизни шимпанзе в зоопарке – около 59 лет, и ни для одной возрастной категории в 40 –летнем интервале не превышает 65 лет.

Исходя из реалий, надо ли долго говорить, что при увеличении пенсионного возраста до 65 лет огромная масса мужского населения просто не доживет до пенсии? Думается, не надо. И само собой понятно, что высказанные доводы относительно мужчин справедливы также для женщин.

Показатель ожидаемой жизни при рождении в 2017 г. недопустимо распространять на тех, кто родился в 1960–1999 гг. Поступать иначе, значит сбиваться на бесчеловечную, людоедскую идеологию и политику.

Еще раз подчеркнем: ожидаемая продолжительность жизни суть расчетная. Она не тождественна фактической. Социальное значение ее в том, что она способна служить интегральным показателем социально–экономического благополучия страны, но и то при условии, если без натяжек стыкуется с другими основополагающими индикаторами уровня и качества жизни населения.

Мы можем по–другому проверить наши цифровые выкладки, без обращения к гипотетическим показателям. В нашем распоряжении имеются результаты обследования Росстата о фактически наблюдаемой величине трудового стажа работающих пенсионеров (табл. 4).

Как показало обследование, после назначения пенсии продолжили работать 23,1% пенсионеров. Доля занятости пенсионеров в городах больше – 25,0%, а в сельских населенных пунктах гораздо меньше – 17,8%. Средняя продолжительность трудовой деятельности после назначения пенсии – 6,4 года, причем у мужчин несколько больше, чем у женщин – 6,62 года против 6,26.

Так обстоит дело по факту, при существующем возрасте выхода на пенсию – 60 и 55 лет соответ-

ственно. Стало быть, верхний порог трудоспособности, годной для рынка рабочей силы, ограничивается в реальных условиях возрастом не свыше 67 лет для мужчин и около 61 года для женщин.

Сравним фактические данные с возрастными параметрами по двум вариантам повышения пенсионного возраста: правительственному и президентскому. Пенсионный возраст в правительственном варианте – 65 лет для мужчин и 63 года для женщин, в президентском – 65 и 60 (как в Австрии). Получается, по обоим вариантам пенсионерам–мужчинам останется менее 2 лет трудоспособности, признаваемой рынком рабочей силы, а пенсионерам–женщинам – 1 год по президентскому и минус 2 года по правительственному.

Но и это не все. Надо учесть еще, что речь идет только о 23% пенсионеров, между тем как громадное большинство остальных (77%) вообще выбывает из регламентированной трудовой деятельности тотчас по достижении 60–летнего возраста мужчинами и 55–летнего – женщинами. Огромный людской контингент перестанет работать, но не станет пенсионером и будет обречен на абсолютное обнищание вкупе с вымиранием. При самом лучшем ходе событий расчет «реформаторов» на пополнение армии труда за счет «лиц предпенсионного возраста» верен лишь на 20% и неверен на 80.

Расходятся ли результаты обследования трудового стажа нынешних пенсионеров с нашими цифровыми выкладками? Нет, те и другие демонстрируют совпадение, прежде всего – применительно к мужскому населению. Верхнее значение в первом случае – менее 67 лет для $\frac{1}{4}$ мужчин, во втором – не больше 65 лет для всего мужского населения. И это, подчеркнем, аналитические итоги, полученные на основе фактических данных, а не гипотетических и вероятностных показателей.

Итак, заглавный аргумент профильного комитета Госдумы РФ совершенно несостоятелен: он свелся к банальному подлогу, поскольку выдает расчетные, априорные величины за фактически достигнутые.

Обратимся к следующему аргументу, многокомпонентному. В его составе набор взаимосвязанных тезисов. Какие именно тезисы включены? Цитируем: «увеличение продолжительности жизни ведет к увеличению доли населения, получающего пенсию по старости»;

«одновременно прослеживается тенденция по снижению численности занятых в экономике, приходящихся на одного пенсионера»;

«в настоящее время этот коэффициент приблизился к 1,1 и стремится к 1»;

«численность работающих, за которых уплачиваются страховые взносы, составляет только 53 млн. человек, а численность пенсионеров составляет 46,5 млн. человек».

Проверка подтверждает правильность первого тезиса: увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении коррелирует с ростом удельного веса пенсионеров – коэффициент корреляции составляет внушительные 95,7%.

Относительно справедлив и второй тезис: тенденция снижения пропорции между числом занятых и численностью пенсионеров действительно имеет место (график 1).

Правда, приведенная на графике 1 кривая не позволяет согласиться с автоматизмом наблюдаемого понижения пропорции. Иначе говоря, перед нами отнюдь не тенденция. До кризиса 2008 г. соотношение не снижалось, а прирастало. Оно пошло на спад с 2008 г. В 2010 г. понижение приостановилось, но посткризисного восстановления не последовало. Начиная с 2013 г. развернувшаяся автономная рецессия усугубила снижение, и в 2017 г. показатель оказался ниже, чем в 2001 г.

Очевидно, ссылка на тенденцию здесь неуместна. Водоразделом стал кризис 2008–2009 гг.: до кризиса соотношение подрастало, после кризиса – поползло вниз и ползет до сих пор. Что значит такая динамика? Она демонстрирует провал посткризисного восстановления, и, следовательно – провал антикризисной политики правительства, которая неспособна восстановить ключевую социально-трудовую пропорцию общества.

Мы назвали второй тезис лишь относительно справедливым, ибо его портит ссылка на тенденцию. На самом деле тенденции нет, ибо есть провал антикризисной политики правящей властной вертикали, а еще точнее – очередное следствие системного кризиса. При нормальной экономической системе, подчиненной энергичному развитию нашей страны, а не обогащению олигархически-компрадорского клана, соотношение между числом занятых и численностью пенсионеров тоже было бы в пределах нормы.

Наконец, нельзя не привести более фундаментальный довод. Современный этап развития производительных сил характеризуется неоиндустриализацией, или наукоемкой, цифровой, технотронной индустриализацией. Уровень их развития измеряет-

ся количеством автоматизированных машинных работников. И для системы пенсионного обеспечения возрастающее значение приобретает не столько даже число занятых в расчете на одного пенсионера, сколько величина машинозамещения труда и то количество машинных работников, которое приходится на каждого пенсионера. Здесь не место вдаваться в детали. Достаточно отметить, что по обоим базисным параметрам производительные силы постсоветской России, ввергнутой в ужасающую деиндустриализацию, критически отстают от ведущих промышленно развитых стран мира.

Третий тезис, согласно которому «коэффициент приблизился к 1,1 и стремится к 1», абсолютно неправилен и нагоняет только ложные страхи. Приведем реальные величины: в 2011 г. – 3 занятых на одного пенсионера, в 2017 г. – 2,8 (см. график 1). Бесспорно, пропорция ползет вниз, но вовсе не по демографическим и прочим причинам естественного происхождения, о чем уже сказано.

Сосредоточимся на четвертом тезисе: «численность работающих, за которых уплачиваются страховые взносы, составляет только 53 млн. человек, а численность пенсионеров составляет 46,5 млн. человек».

Начнем с весьма спорной цифры «46,5 млн. человек» – откуда она взялась и к каким пенсионерам относится? Никакой определенности профильный комитет Госдумы РФ по данному пункту не дает – он ограничивается голой цифрой, неизвестно откуда извлеченной.

В отчетной же информации Росстата содержится совсем другая цифра. Для наглядности мы выписали статистический ряд за 2001–2017 гг. и придали ему графическую форму (см. график 2).

Перед тем как углубиться в аналитику, сделаем короткое пояснение: так как «пенсионная реформа» покушается на пенсионеров по труду, то численностью таковых мы и оперируем.

Согласно статистике, в 2017 г. насчитывалось 33 782 тыс. пенсионеров по труду. Это почти на 13 млн. меньше по сравнению с цифрой, указанной в заключении думского комитета. Расхождение исключительно велико. Чем оно объясняется? Тем, по-видимому, что в комитетской цифре с пенсионерами по труду объединены пенсионеры по досрочным, льготным основаниям. Если так, то это совершенно неправильно, ибо с точки зрения методологии группировка допустима только по одному

основанию. Кроме того, на льготные категории пенсионеров «реформаторы» пока не замахнулись.

Возьмем теперь другую цифру, выставленную в четвертом тезисе: «численность работающих, за которых уплачиваются страховые взносы, составляет только 53 млн. человек». Цифра занятая. Что же хотят сказать, когда апеллируют к ней?

По статистике, в народном хозяйстве занято 72,5 млн. работающих. Однако вклад в федеральный фонд пенсионного обеспечения производят 53 млн. человек, что почти на 20 млн. человек меньше. На самом деле, если учесть работающих пенсионеров, численность «потерянных» работников больше на 7,8 млн. человек, а видимых, соответственно, меньше – 45,2 млн.

И что – неужели пенсионеры по труду причастны к столь плачевному положению? Неужели от них зависит состояние воспроизводства рабочих мест, организация труда и занятости, учет каждого работника? Неужели пенсионеры по труду накрыли шапкой–невидимкой и сделали невидимыми гигантскую армию трудящихся численностью под 28 млн. человек?

Поддерживая повышение пенсионного возраста, профильный комитет Госдумы РФ перекладывает ответственность с большой головы на здоровую. Действительно, анализ вскрывает тревожную ситуацию, созданную беспомощностью и недееспособностью правительства в сфере организации производства высокотехнологичных рабочих мест, труда и занятости. Провал следует здесь за провалом. Достаточно упомянуть о провале работы по созданию 25 млн. автоматизированных рабочих мест, не говоря уже о провале по решению задачи учетверения производительности труда.

Но за свои провалы расплачиваются не властные «верхи», а подневольные «низы». «Пенсионная реформа» скомандовала назначить платой в пользу «верхов» повышение пенсионного возраста. Массовое обнищание и ползучее вымирание трудовой России – вот чем обречена стать цена трудящихся за провалы, неизбежные для олигархически–компрадорского правительства.

Хроническая недееспособность постсоветского государственного руководства в области народного хозяйства, сполна проявляемая в системном кризисе, деиндустриализации и научно–технологической отсталости, возникла не на пустом месте, а порождена компрадорской экономической системой, гибель-

ность которой для России давно уже ясна и не требует доказательств.

Выкачивание и офшоризация компрадорской ренты, трансформация российской собственности в нероссийскую, превращение национального богатства в транснациональное – все это несовместимо с подъемом производительных сил нашей страны и качества жизни трудящегося большинства. Болезненным примером такой несовместимости выступает и «пенсионная реформа».

Чтобы покончить с анализом аргументации думского комитета, обратимся к итоговому аргументу – «в случае сохранения инерционного сценария развития пенсионной системы при сохранении текущих демографических тенденций социальные взносы все в меньшем объеме будут обеспечивать выплату текущих пенсий, и в период 2024–2026 гг. поддержание пенсий на текущем уровне с возможностью ее пересчета только в пределах инфляции потребует увеличение трансферта из федерального бюджета Пенсионному фонду Российской Федерации не менее чем до 5 трлн. руб.».

По–канцелярски тяжеловесно передает пассаж угрозу пенсионного дефолта, пугая гигантской суммой трансферта – минимум 5 трлн. руб. в предстоящие 2024–2026 гг., что будет эквивалентно 20% федерального бюджета. Номинально, в текущих ценах, объем бюджетного трансферта велик и сейчас. Но если устранить влияние инфляции и перейти к сопоставимым ценам, то вместо бурного и опасного роста получается довольно спокойная динамика, без критичных перепадов (табл. 5).

Растущий в номинальном объеме бюджетный трансферт не должен ни вводить в заблуждение, ни нагонять страхи. В действительности его покупательная способность едва стоит на уровне 2011 г., причем по нижней границе. Инфляция бежит быстрее, обесценение рубля бьет пенсионеров сильнее. Не в состоянии вести политику твердого рубля, власть демонстрирует лишь видимость заботы об уровне и качестве жизни пенсионеров по труду. При сохранении же компрадорской системы 5 трлн. руб., невообразимых для профильного комитета Госдумы РФ, в 2024–2026 гг. окажутся недостаточными даже для компенсации съеденного инфляцией: где уж там помышлять о каком–либо увеличении покупательной способности пенсий и страховых выплат.

Бюджетный трансферт Пенсионному фонду России обусловлен опять–таки неспособностью властных «верхов» обеспечить твердый по покупательной силе рубль, устойчивый на протяжении хотя бы 10–летнего периода. Почему вертикаль кремлевской власти бессильна гарантировать устойчивость российской денежной единицы? Потому, что служит компрадорской системе и компрадорским интересам, защищая либеральный, беспрепятственный вывоз компрадорской ренты за рубеж, хотя такой вывоз есть не что иное, как ввоз, или импорт инфляции.

Вместе с офшоризацией национальной собственности и национального богатства Россия импортирует монетарную инфляцию. Противостоять импортируемой инфляции мерами монетарной политики бесполезно: действенность их в лучшем случае ничтожна. К примеру, пресловутое таргетирование инфляции, преподносимое в качестве последнего слова антиинфляционной политики, сопровождается ныне двусмысленной инфляцией в измерении по ценам товаропроизводителей и двусмысленным дефлятором ВВП (10,6%), а это бешеный темп обесценения рубля и рублевых капитальных вложений в процессе обращения товаров производственного и инвестиционного назначения.

Значимым орудием преобразования импортной инфляции во внутреннюю выступает *netback* – ценообразование, установленное «реформаторами» в энергетически–ресурсном и инфраструктурном секторах. Убийственная для народного хозяйства затея обставилась, как водится, благими целями государственного регулирования на основе равнодоходности цен внешне–го и внутреннего рынков. На практике вышло иначе. Получилась денационализация внутрироссийского рынка, который очутился в полной зависимости от нефтедоллара.

Как результат, в рублевой форме внутренний потребитель приобретает товары по экспортным ценам, на каждом шагу оплачивая баснословные компрадорские прибыли. Вместо инвестиций Россия остается с инфляцией, испытывая удушающий инвестиционный голод. Из года в год потенциал накопления сокращается на сумму компрадорской ренты, выведенной за рубеж, а потенциал инфляции и обесценения рубля соразмерно возрастает. Добивает инвестиционный процесс череда «налоговых маневров», проводимых исключительно в интересах олигархически–компрадорского клана.

Что может сделать ЦБ РФ с помощью своей политики таргетирования инфляции? Может ликвидировать хотя бы *netback*–ценообразование? Может пресечь «налоговые маневры»? Может положить конец офшоризации российской собственности и российского национального богатства? Нет, не может. ЦБ РФ бессилён против фундаментальных факторов импорта инфляции, ибо они опираются на системное господство олигархически–компрадорского клана.

Суммарно за период с 2012 г. по I кв. 2018 г. объем перекачанной за рубеж компрадорской ренты превысил 1 трлн. долл. Одни только проценты к выплате составили круглым счетом 0,55 трлн. долл. (см. табл. 6).

Сопоставим теперь две величины: бюджетного трансферта Пенсионному фонду страны и потерь, причиненных вывозом компрадорской ренты. Думский комитет запугивает, что в 2024–2026 гг. из бюджета придется, быть может, отвлекать на пенсионное обеспечение умопомрачительные 5 трлн. руб. Между тем не через 6–8 лет, не в среднесрочном будущем, а уже в 2012–2017 гг. компрадорская рента намного превысила планку ежегодных 5 трлн. руб., в 2011 г., к примеру – более чем в 2 раза, достигая до 11,4 трлн. руб.

Но этот факт почему–то не тревожит Кремль и не пугает. По поводу него не бросаются бить в набатные колокола. Не спешат затеять внешне–торговую реформу, не помышляют о валютной. Стоически отбояриваются от прогрессивного налогообложения компрадорских доходов.

В президентском обращении говорится, что прогрессивная шкала поможет собрать в казну сущие пустяки, максимум 70–120 млрд. руб.: «Этих средств в лучшем случае хватит на шесть дней». Однако научные расчеты обнаруживают, что при 50% – й ставке обложения компрадорской ренты бюджет пополнится на порядок большими суммами, вполне сопоставимыми с годовыми объемами текущего бюджетного трансферта пенсионной системе.

Дополним сказанное одним фактом, в высшей степени показательным: достаточно легальных годовых доходов только 17–ти олигархов, чтобы гарантировать выплату пенсий 12 146,5 тыс. человек, что составляет 35% общей численности пенсионеров по труду.

На фоне приведенных фактов курьезом оборачивается утверждение думского комитета, что он

«учитывает международный опыт по повышению пенсионного возраста». Интересно, где он нашел «международный опыт» всевластия олигархически-компрадорской системы, полуколониальной зависимости и масштабной деиндустриализации, низводящей до сырьевого придатка транснациональных корпораций?

Повышению пенсионного возраста в промышленно развитых странах предшествовало создание необходимых и достаточных предпосылок, в числе которых автоматизация и роботизация производительных сил, налаженное производство наукоемких и высокотехнологичных рабочих мест, вертикально-интегрированное строение общественного воспроизводства, организация цифровой модели управления производительностью труда и т.д. Спрашивается, какие из названных предпосылок сформированы сейчас в России? Ответ простой – никакие. Ни одной из них нет. Ведется только говорильня о них.

Какого же рода «международный опыт» учел профильный думский комитет? Похоже, разве лишь опыт повышения пенсионного возраста без экономически обязательных предпосылок.

Подытожим разбор комитетской аргументации. Как выяснилось, она бесосновательна, неадекватна реалиям и в заглавном пункте базируется на подлоге. Подобного рода аргументация способна лишь дискредитировать парламентскую аналитику, а ее «страшилки» идут от недостоверной информации.

§ 3. В противоречии с майским Указом

В программном Указе «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.», изданном Президентом РФ В.В. Путиным 7 мая 2018 г., в числе «национальных целей развития», обязательных для Правительства РФ, первым пунктом значится «обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции».

Хотя формулировка о «росте уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции» выглядит не самой удачной, тем не менее смысл ее понять все-таки можно, поскольку она подразумевает обязательность защиты покупательной способности пенсионеров от инфляции, или иначе – защиты денежных пенсий от обесценения. Указом на правительство возложена ответственность за уровень и качество жизни пенсионеров, причем стабильность уровня и качества их жизни поставлена в связь с целями

социально-экономического развития России на период до 2024 г.

Разумеется, в перечне национальных целей развития, конкретизированных в поименованном Указе, повышения пенсионного возраста нет. В отличие от устойчивого пенсионного обеспечения, повышение пенсионного возраста не объявлено майским Указом ни национальной целью развития, ни условием развития Российской Федерации. Указ поручил правительству гарантировать стабильность пенсионного обеспечения, но не дал и не мог дать поручения поднимать пенсионный возраст, ибо развитие требует иных государственных решений и действий.

Видимая логика майского Указа вполне согласуется с консенсуальной повесткой президентской кампании, завершившейся 18 марта 2018 г. Как известно, в ходе президентской кампании ни один из кандидатов не включил в свою программу пункт о повышении пенсионного возраста. Стало быть, никто из них не просил у избирателей мандата на повышение пенсионного возраста, и подобного мандата избиратели никому из них не предоставляли.

Едва ли следует доказывать, что мандата на повышение пенсионного возраста не получал от избирателей и Президент РФ, переизбранный на очередной шестилетний срок. Общество предъявило запрос на высокотехнологичное развитие, в котором настоятельно нуждается Россия. И именно данному социальному запросу отвечает майский Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» – документ, заметим, программный для Кремля и правительства.

Но уже в первой половине июня события приняли совсем другой оборот, несовместимый ни с мандатом избирателей, ни с видимой логикой поименованного Указа. За день до торжественного открытия в Москве мирового чемпионата по футболу, 14 июня, правительство внезапно заявило о решении повысить пенсионный возраст – с 60 до 65 лет для мужчин и с 55 до 63 лет для женщин. Уже 16 июня оно внесло свой законопроект в Госдуму РФ, которая 19 июля в форсированном порядке приняла этот проект в первом чтении.

Нежданное летнее известие о повышении пенсионного возраста обрушилось на страну как снег на голову и взбудоражило общество до самого основания. В недрах его забурлил котел социального негодо-

вания и на поверхность стали выплескиваться хотя и первые, но обжигающие протестные извержения.

Обновленное после президентских выборов правительство, начавшее не с того конца, сразу оказалось непопулярным. Какие бы доводы и аргументы оно ни выдвигало, они стали уже безразличны: общество глухо к ним. На горизонте замаячила перспектива правительственного кризиса – перспектива, весьма неприятная для Кремля.

Желая как можно скорее погасить зарождающуюся протестную волну, чтобы она не успела обрести ударной силы, на помощь правительству, основательно дискредитированному своим асоциальным проектом, Кремль призвал главу государства. В результате 29 августа появилось обращение Президента РФ по пенсионному вопросу.

Компромиссная позиция, изложенная в президентском обращении, находится в русле легко читаемой системной логики. Благодаря тому она оказалась целиком предсказуемой и заблаговременно предсказанной. Мало того, ее параметры заранее удалось «вычислить» даже некоторым зарубежным наблюдателям. Вопреки декларациям майского Указа, глава государства взял под защиту не пенсионеров, а правительство, предложив лишь компромисс с изменением «жесткого» варианта повышения пенсионного возраста на «мягкий».

Таким образом, в течение считанных месяцев ситуация перевернулась с ног на голову. Государственная машина совершила попятный разворот. В начале мая ее кормчий декларирует «национальные цели развития». Месяц спустя, в июне 2018 г. с «национальными целями развития», сформулированными в майском Указе, открыто, на виду всего общества порывает правительство, в июле – Госдума РФ, а в августе – и сам Президент РФ, подписавший названный Указ 7 мая. По сути, вертикаль власти как по команде повернулась спиной к неотложным целям и задачам социально-экономического развития страны.

§ 4. Неумно пугать дефолтом и отсталостью

Без повышения пенсионного возраста произойдет крах, разразится катастрофа, свет станет тьмой – так уверяют «реформаторы». Аргументации устрашением отдало дань и президентское обращение: «Выбрав такое решение, мы рано или поздно разрушим наши финансы, будем вынуждены зале-

зать в долги или печатать ничем не обеспеченные деньги со всеми вытекающими последствиями: гиперинфляцией и ростом бедности. ... Будем обречены на экономическое, технологическое отставание от других государств. Поэтому наше бездействие сейчас или принятие временных ‘косметических’ мер было бы безответственно и нечестно по отношению и к стране, и к нашим детям».

Логика прозрачна: если не повысит пенсионный возраст, то будет хуже. Но это ущербная логика, ибо все то, чем она пугает в будущем, давно уже составляет горестное состояние теперешней жизни постсоветской России.

Да, сейчас не столь худо, как было в черное десятилетие 1990 –х гг. С поверхности сметены самые ненавистные проявления колониальной зависимости. С 1999 г. Россия перестала быть колонией, чтобы остаться полуколонией: формально суверенной, а экономически зависимой от империализма доллара.

Конечно, это подвигка – сделаться полуколонией вместо колонии. Но экономический базис каким был, таким и остался – под пятой компрадорской собственности и иностранного капитала. Страна как работала на обогащение олигархически-компрадорского клана, так и продолжает работать. Компрадорская рента как была целью экономической системы, так и остается. Компрадорская экономическая система по-прежнему является системой деиндустриализации и тотальной зависимости страны от иностранного капитала.

Именно компрадорская система власти и собственности порождает расстройство бюджета, долговую кабалу, импорт инфляции, массовую бедность и вымирание, научно-техническую и технологическую отсталость, словом – все ужасы системного кризиса. И сейчас все они нарастают как снежный ком, ибо кризис олигархически-компрадорской системы вступил в свою финальную фазу, в такую фазу, которая грозит ужасным концом, если Кремль будет идти против истории до последнего, как шло царское самодержавие.

Не очень умно пугать наступлением ужасов системного кризиса в будущем, когда они давно уже сделались ужасами настоящего.

Что, нет бюджетного дефолта по обязательствам государства? Есть. Отказ от индексации пенсий – это дефолт. Конфискация пенсионных накоплений – тоже дефолт. Повышение пенсионного возраста и экспроприация заработанного – опять-таки дефолт. Узаконенные поборы – тот же дефолт.

Что, нет роста инфляции? Обесценение рубля растет двузначным темпом, оно неудержимо из-за импорта инфляции. Дороговизна марширует по стране.

Что, нет долговой зависимости? С 2011 г. внешний долг компаний и банков превышает сумму валютных резервов, дефицит валюты давит на курс рубля.

Что, нет роста бедности? Бедность зашкаливает, и всякого рода манипуляции, как с прожиточным минимумом, не поспевают за ее ростом. На грани физического выживания 20 млн. человек. Идет ползучее вымирание России.

Что, нет отставания и отсталости? А отставание по доле автоматизированных рабочих мест? А отставание по производительности труда? А отставание по уровню и качеству жизни? А отставание по продолжительности жизни?

Внесем поправку: при господстве олигархически-компрадорской системы власти и собственности Россия обречена не просто на отставание и отсталость, а на катастрофический развал, для которого компрадорской системой созданы уже все условия, как в Советском Союзе времен «перестройки».

Что касается безответственности, то наука понимает ее несколько по-иному. Безответствен не отказ от повышения пенсионного возраста. Безответственно переводить системный кризис из экономического в политический, повышая пенсионный возраст и запуская руку в карман самых обездоленных, дабы экспроприировать заработанное ими в пользу компрадорского капитала.

§ 5. Пенсионное обострение и во что оно выльется

«Народ не воспринимает предстоящую пенсионную реформу как меру, необходимую для устойчивой социально-экономической стабильности» – фиксирует зарубежный эксперт. Приведенное замечание является справедливым, но половинчатым. Дело не только в том, каким образом ситуация, взбудораженная повышением пенсионного возраста, воспринимается в «низах», важно еще то, как воспринимается обострение текущей ситуации в «верхах».

Очевидно, что «низы» не хотят жить по-старому, в условиях опостылевшей и беспросветной экономической системы – о том свидетельствует накопленный протестный потенциал. Вопрос в том, могут ли «верхи» жить по-новому, готовы ли решиться на установление новой экономической системы вместо старой. Именно этот вопрос пред-

ставляется сейчас судьбоносным для нашей страны, которая вновь очутилась на переломном этапе с запутанной расстановкой социальных сил и непростой социальной динамикой.

До финальной фазы системный кризис уже дошел, но во внутривнутриполитический еще не перерос. Поэтому судьба страны зависит теперь от того, допустят «верхи» переход системного кризиса из экономической плоскости в политическую, доведут дело до внутривнутриполитического кризиса или сумеют проявить историческую ответственность, уступая высшим государственным интересам.

В действительности имеются обе тенденции, одну из которых, пока доминирующую, составляет компрадорская, а другую, хаотически противостоящую ей – социально-суверенная. Именно между ними пролегает водораздел, между ними происходит внутренняя борьба в «верхах», отражением чего явился майский Указ о «национальных целях развития».

Несмотря на точечные огрехи, в целом майский Указ декларирует суверенные интересы, цели и задачи развития России. По-иному, впрочем, быть просто не могло. Компрадорская позиция, в отличие от суверенной, не нуждается в афишировании. Напротив, ей нужно прикрытие суверенной и патриотической риторикой. Едва ли можно вообразить, чтобы компрадорские «верхи» открыто продекларировали цели и задачи по усилению системной зависимости России от иностранного капитала, по закреплению полуколониального характера такой зависимости, по деиндустриализации и обескровливанию отечественного народного хозяйства, обнищанию и вымиранию. Свои цели и задачи компрадорские «верхи» всегда преподносят как «национальные» и «суверенные».

Нелишне напомнить наш исторический опыт. Он убедительно доказывает, что каждая компрадорская «реформа», начиная с приватизации собственности и либерализации цен, сопровождалась оглушительной канонадой словесной трескотни об общечеловеческих ценностях, свободе и демократии, скором благоденствии и процветании, заботе о благосостоянии людей. В действительности же каждая «реформа» являлась системной войной компрадорского клана против народа и страны, оставляя после себя разруху, нищету, отсталость, потерю социальных завоеваний, закабаление и массовую смертность.

Составляет ли исключение «пенсионная реформа», слегка «смягченная» в том варианте, какой

мы видим в обращении Президента РФ? Или она продолжает тенденцию, грозящую национальной катастрофой? Не свидетельствует ли повышение пенсионного возраста о кризисе «верхов»? О том, что они не могут жить по-новому, без компрадорских интересов? Вопросы не праздные.

Россия должна знать, что ее ждет. Если «верхи» бессильны избавить страну от губительной для нее компрадорской системы и установить взамен эко-

номическую систему суверенного типа, значит они и впрямь не могут жить по-новому, а системный кризис перерос в кризис «верхов» и становится внутривластным. В таком случае конечный исход предрешен: либо развал России как государства с федеративным устройством, либо антикомпрадорская революция.

С. Губанов

Таблица 1

Мужчины, год рождения	Повышение пенсионного возраста мужчин	
	Пенсионный возраст, лет	
	«жесткий» вариант (правительственный)	«мягкий» вариант (президентский)
до 1959	60	60
1959	60 + 1	60 + 0,5
1960	60 + 2	60 + 1,5
1961	60 + 3	60 + 3
1962	60 + 4	60 + 4
с 1963	65	65

Таблица 2

Женщины, год рождения	Повышение пенсионного возраста женщин	
	Пенсионный возраст, лет	
	«жесткий» вариант (правительственный)	«мягкий» вариант (президентский)
до 1964	55	55
1964	55 + 1	55 + 0,5
1965	55 + 2	55 + 1,5
1966	55 + 3	55 + 3
1967	55 + 4	55 + 4
1968	55 + 5	
1969	55 + 6	60
1970	55 + 7	
с 1971	63	

Таблица 3

Годы	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)		
	Все население		
	всего	мужчины	женщины
1926 –1927 '	42,93	40,23	45,61
1961 –1962	68,75	63,78	72,38
1970 –1971	68,93	63,21	73,55
1980 –1981	67,61	61,53	73,09
1990	69,19	63,73	74,30
1995	64,52	58,12	71,59
2000	65,34	59,03	72,26

2001	65,23	58,92	72,17
2002	64,95	58,68	71,90
2003	64,84	58,53	71,85
2004	65,31	58,91	72,36
2005	65,37	58,92	72,47
2006	66,69	60,43	73,34
2007	67,61	61,46	74,02
2008	67,99	61,92	74,28
2009	68,78	62,87	74,79
2010	68,94	63,09	74,88
2011	69,83	64,04	75,61
2012	70,24	64,56	75,86
2013	70,76	65,13	76,30
2014	70,93	65,29	76,47
2015	71,39	65,92	76,71
2016	71,87	66,50	77,06
2017	72,70	67,51	77,64

* По Европейской части РФСР.

Источник: Росстат.

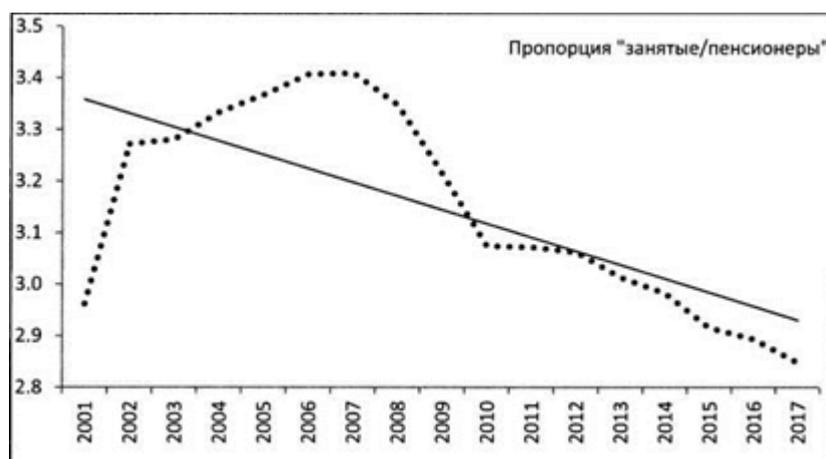
Таблица 4

Трудовой стаж после назначения пенсии			
	Все респонденты	В городах	В селах
Пенсионеры в возрасте 15 лет и более, всего	100,0	100,0	100,0
в том числе работающие	23,1	25,0	17,8
Среднее число лет продолжительности трудовой деятельности (трудового стажа) после назначения пенсии	6,40	6,44	6,24
Пенсионеры –мужчины в возрасте 15 лет и более, всего	100,0	100,0	100,0
в том числе работающие	25,4	28,1	18,6
Среднее число лет продолжительности трудовой деятельности (трудового стажа) после назначения пенсии	6,62	6,56	6,84
Пенсионеры –женщины в возрасте 15 лет и более, всего	100,0	100,0	100,0
в том числе работающие	21,8	23,5	17,3
Среднее число лет продолжительности трудовой деятельности (трудового стажа) после назначения пенсии	6,26	6,36	5,86

Источник: Росстат (результаты обследования в 2017 г.).

График 1

Соотношение числа занятых и численности пенсионеров, 2001–2017 гг.

Источник для расчета: данные Росстата

График 2

**Численность пенсионеров по труду,
тыс. человек (2001 –2017 гг.)**

Таблица 5

Бюджетный трансферт в ПФР, млрд. руб. (2011 –2017 гг.)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
В текущих ценах	2379.8	2815,6	2843,2	2410,2	3088,7	3355,3	3783.3
В сопоставимых	2379.8	2580,8	2472,5	1949,8	2312,9	2427,8	2575.3

Таблица 6

Потери России – рента компраторов, по платежному балансу, 2012 –2018 гг.

(млн, долл.)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018, I кв.
Товарное сальдо	191663	180566	188931	148398	90215	115422	44617
Проценты к выплате	99639	104254	100856	66314	76043	88799	17686
Потери	161646	202643	296478	146694	81971	92786	25284
Безвозмездный экспорт, %	31	39	60	43	29	26	25
Курс рубля к доллару	31	32	38	61	67	58	62
<i>Потери России, млрд. руб.</i>	<i>4985</i>	<i>6452</i>	<i>11379</i>	<i>8940</i>	<i>5497</i>	<i>5413</i>	<i>1568</i>
из них процентные, млрд. руб.	3073	3319	3871	4041	5099	5181	1097
Расходы бюджета (федерального), млрд. руб.	12895	13343	14832	15620	16416	16420	3731
Потери, % расходной части федерального бюджета ...	39	48	77	57	33	33	42
Потери, % ВВП	7,3	8,8	14,4	10,7	6,4	5,9	7,0